

Сибирский Страннический Журнал.

1 августа

№ 15.

1911 года.

отдѣлъ неофициальный.

„Исусъ Сладчайшій“.

(Универсальная Личность Христова и міръ.—

Исусъ Христосъ въ русской жизни). *).

Дажь мнѣ Себе, Всесладкаго!

(Изъ молитвы „Ко Господу Исусу Распятому“).

Ваше Преосвященство, Ваши Высокопреподобія, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Переворотъ, произведенный въ міръ христіанствомъ, является единственнымъ и неповторимымъ въ исторіи.

Начало этому перевороту наиболѣе определеннымъ образомъ было положено, когда Господь Исусъ, поднявшись на одну изъ Палестинскихъ горъ, говорилъ въ слухъ множества народа, собравшагося къ подножію Его изъ Галилеи, и Десятиградія, и Иерусалима, и Іудеи, и изъ-за Іордана. (Мѡ. IV, 25):

— Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду. *А Я говорю вамъ, что всякій, гвѣвующійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду...* Вы слышали, что сказано древнимъ: „не прелюбодѣйствуй“. *А Я*

*) Публичная лекція, произнесенная въ залѣ Симб. Дворянскаго Собранія на „Палестинскомъ вечерѣ“ 27 марта 1911 г.

говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.. Еще слышали вы, что сказано древнимъ: „не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твоя.—*А Я говорю вамъ*: не клянись вовсе... Вы слышали, что сказано: „око за око и зубъ за зубъ“. *А Я говорю вамъ*: не противься злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую... Вы слышали, что сказано: „люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего“. *А Я говорю вамъ*: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ... Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлають и мѣтари (сборщики податей у *евреевъ*)? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и *язычники*? И такъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный. (Мѡ. гл. V)“.

Не трудно видѣть, что этими, совершенно ясными, словами Господа нашего въ самой сущности своей перерождалась ветхая мораль, *еврейская* и *языческая*. Въ міръ нравственныхъ понятій и отношеній, въ міръ духовной жизни вообще вносилося невѣдомое доселѣ, новое начало, открывавшее въ сферѣ духа новые, незримые доселѣ горизонты.

Переворотъ начинался... Но его, безусловно, не произошло бы, если бы ученіе объ абсолютномъ совершенствѣ, по образу совершенства Отца Небеснаго, не находило конкретнаго и полнаго воплощенія въ абсолютно совершенной жизни Самого Учителя. Въ Лицѣ Господа Іисуса между словами Его и Его жизнью, отъ начала до конца запечатлѣнной духомъ чистоты, кротости и безпредѣльной любви, царила полная гармонія.

— Кто изъ васъ обличить Меня въ неправдѣ?—вопросалъ Спаситель Своихъ враговъ, и они, при своей озлобленности противъ Него, оставались безотвѣтными. (Іоан. VIII, 46).

Да и что можно было сказать противъ Иисуса, если Онъ какъ Солнце Божіей любви, свѣтилъ на добрыхъ и злыхъ и какъ неизсякаемый Родникъ воды живой,—напоилъ всякаго, кто жаждалъ и съ вѣрою и любовію шелъ къ Нему. Что, можно было сказать противъ Иисуса, если вся дѣятельность Его протекала въ томъ, что ходилъ Онъ „по городамъ и селеніямъ, уча въ синагогахъ...“, проповѣдуя евангеліе царствія, и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ. (Мѣ. IX, 35).

— Пойдите, скажите Іоанну,—говорилъ Христосъ ученикамъ Іоанновымъ,—что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышать, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ. (Мѣ. XI, 4—5).

Изумительная гармонія, царившая въ духѣ Иисусовомъ, въ высшей своей степени проявилась на Голгоѣскомъ крестѣ, когда истина ученія и жизни Богочеловѣка была засвидѣтельствована Его мучительной, страдальческой смертью.

Чтобы приблизительно подойти естественной нашей мыслью къ пониманію тайны Голгоѣы, которая глубоко потрясаетъ и перерождаетъ всякую, чутко проникающую къ ней, душу, нужно припомнить, какъ тяжело переносится человѣкомъ всякое проявленіе къ нему неправды, всякая обрушившаяся на него несправедливость. Человѣкъ склоненъ бываетъ роптать даже противъ заслуженныхъ страданій; всякая же обида, кака представляется ему незаслуженной, огнемъ жжетъ его душу. Положительно ужасъ пережили бы мы, если бы только мысленно представили себѣ, что насъ судятъ и обвиняютъ за какое либо несовершенное нами преступленіе. Да безъ болѣзненного волненія не могли бы мы переживать и чужого такого трагическаго положенія.

При созерцаніи же той, ни съ чѣмъ несравнимой, несправедливости, кака лежитъ въ основѣ Голгоѣской трагедіи, мы можемъ лишь остановиться—въ нѣмомъ трепетѣ. Здѣсь

со незаконными вмѣняется не знавшій грѣха. Здѣсь оскорбительныя муки переносить всему міру открывшій путь къ счастью. Здѣсь въ пути смерти заключается Вѣчная жизнь. Здѣсь грѣшный человѣкъ не только хочетъ стать выше все-совершеннаго Бога, но Богъ, дѣйствительно, принимаетъ уни-зительный зракъ рабій, дабы привести къ Богоуподобленію человѣка. Здѣсь совершается злодѣяніе, какое могло совер-шиться лишь одинъ разъ на всѣ вѣка прошедшіе и будущіе. И, однако, Стратотерпецъ молится за злодѣевъ:

— Отче! Прости имъ...

И возрыдала вся тварь, — скажемъ высоко-поэтическими словами церковной пѣсни, видя обнаженнымъ на крестѣ Все-держителя; солнце сокрыло лучи свои и звѣзды отложили свѣтъ; земля въ великомъ ужасѣ поколебалась и камни рас-пались (икось вел. субботы). При страданіяхъ и смерти Бого-человѣка, измѣнилось обычное теченіе жизни въ природѣ, и было бы противоестественно, если бы этого не произошло.

Испивъ горькую чашу страданій, Христосъ Спаситель умеръ. Но для Того, Кто, — повторимъ слова Вл. Соловьева изъ его „Пасхальныхъ писемъ“, — былъ безпредѣльно संबо-денъ отъ всякихъ внутреннихъ ограниченій, отъ страстей и грѣха, не могъ подлежать какимъ либо ограниченіямъ внѣш-нимъ, не могъ быть подчиненъ смерти, а потому Господь Исусъ, сойдя „долѣ“ во гробъ, въ третій день возсіялъ изъ гроба, прославленный, лучезарный, прекрасный... И когда, въ сороковой день по воскресеніи, вознесся Господь нашъ на небеса, во слѣдъ Ему, въ небесную же высь, устремился и весь міръ. Все, чѣмъ жило человѣчество равьше, всѣ его цѣнности, идеалы, боги... постепенно были отброшены. Во Христѣ прогорели для міра всѣ его прежніи „сладости“, и жизнь внѣ Исуса Сладчайшаго, внѣ зависимости отъ Его уче-пія и Его Личности, стала уже невозможной для него. Го-воря словами церковной пѣсни, Христосъ явился для міра спасительной *весной*, подъ животворными лучами которой толь-

но и мыслимо стало дальнѣйшее его развитіе. (Каѳизмы вел. суб.).

Чѣмъ жило человѣчество до Христа? Каковы были его духовныя цѣнности?

Древнее человѣчество имѣло право гордиться своей философіей, какъ системой самостоятельныхъ усилій, направленныхъ къ уясненію и рѣшенію вопросовъ о жизни вселенной, о смыслѣ бытія, о назначеніи человѣка и т. д. Древній міръ далъ такихъ великановъ мысли, какъ Сократъ, Платонъ и Аристотель. Но явился Христосъ, и Аристотели, Платоны и Сократы стали уже болѣе не нужны. Историческое значеніе ихъ заключалось въ томъ, что въ области мысли они рѣшили все, что было доступно человѣку, и подвели сознаніе человѣка къ той границѣ, за которой начиналась для него бездна невѣдѣнія. Эту бездну заполнило Евангеліе, и вниманіе философовъ христіанскаго времени могло направиться лишь къ тому, чтобы прояснить для ограниченаго разума человѣческаго истину христіанства, истолковать ихъ, распространить. Съ такимъ характеромъ философія существовала въ первые вѣка христіанства въ лицѣ Аристида, Минуція Феликса, Оригена, Климента Александрійскаго, Іустина Философа и др. Нужно ли говорить о томъ, что во всецѣломъ единеніи съ Евангеліемъ стояла философія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда выработалась эта извѣстная формула: „философія—служанка при богословіи“. Но было бы ошибочно думать, что независимо отъ христіанства развивалась философія новѣйшаго времени. Да, эта философія болѣе самостоятельна, чѣмъ философія прежняго времени. Она, дѣйствительно, не скрываетъ своего желанія совсѣмъ отрѣшиться отъ вліянія Евангелія и быть „человѣческой, какъ только человѣческой“. Но чѣмъ опредѣленнѣе оказывается эта тенденція новѣйшей философіи, тѣмъ замѣтнѣе безсиліе ея въ ея дѣланіи. Всякій, кому приходилось серьезно работать въ области исторіи философіи, согласится, что даже такіе, повидимому,

самобытные мыслители, какъ Декартъ, Спиноза и Кантъ, корнями своей философіи, особенно въ нравственной ея части, уходятъ въ почву христіанства, и всё не разъ и открыто свидѣтельствовали о своемъ глубокомъ, благоговѣннѣ къ Евангелію *). Мы не говоримъ уже о такихъ философахъ, какъ Лейбницъ, писавшій гимны въ честь Христа, Шеллингъ, видѣвшій въ христіанствѣ цѣль всего развитія челоуѣчества и приписывавшій безконечную цѣну крестной смерти Христа, Дж. Ст. Милль, который сначала—дѣйствительно былъ врагомъ всякой, а тѣмъ болѣе христіанской, метафизики, а потомъ проникся чувствомъ благоговѣнія ко Христу и говорилъ, что Христосъ является для насъ непремѣнно единственнымъ образомъ, непохожимъ ни на Своихъ предшественниковъ, ни на всѣхъ Своихъ послѣдователей. Не говоримъ также о высокой христіанской настроенности выдающихся философовъ позднѣйшаго времени: Тейхмюллера, Секретана, Эйкена, Спитта и т. дал.—Христіанство питало и всю русскую философію въ лицѣ виднѣйшихъ ея представителей: Гоццкаго, Юркевича, Голубинскаго, Вл. Соловьева, кн. С. Трубецкого и др. Въ послѣднее же время русская философія проявлялась съ одной стороны въ формѣ не христіанства, съ другой—въ формѣ толстовства. Здѣсь, конечно далеко не все свободно отъ заблужденій, но тенденція построить философію всецѣло на началахъ христіанства здѣсь несомнѣнна. Правда, и въ христіанское время появлялись мыслители, пытавшіеся, подобно, напр., Фейербаху или Ницше, создать совершенно отрицательную по отношенію къ христіанству философскую систему и на мѣсто идеи Богочеловѣчества поставить идею челоуѣкобожества и вмѣсто любви проповѣдывавшіе ненависть. Но такого рода философскія системы никогда не были оригинальными: въ нихъ всегда отражалось то или другое до-христіанское, языческое ученіе. Это во-первыхъ. А

*) См. опредѣленныя указанія на это у Пфеннингсдорфа въ его книгѣ: „Иисусъ Христосъ въ современной духовной жизни“. Перев. С. П. Никитскаго. Харьковъ 1907 г.

во-вторыхъ, доктрины философовъ-отрицателей въ христіанскомъ мірѣ не имѣли того успѣха, на какой онѣ были разсчитаны; онѣ не удовлетворяли христіанскаго сознанія, и сами творцы ихъ, въ минуты искренности, признавались, что ихъ парадоксальныя ученія—мука для нихъ и что тѣмъ убитаго ими Бога преслѣдуетъ ихъ неумолимо.

Но говорятъ иногда, что не только внѣ христіанства, а и вопреки ему развивается естественная наука. Однако, говорить такъ значитъ ошибаться. Конечно, по внѣшней сторонѣ своихъ изслѣдованій, въ своихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, представители науки стоятъ внѣ зависимости отъ христіанства, потому что матерія науки къ существу христіанской религіи не имѣетъ отношенія. Нѣтъ и быть не можетъ непосредственной связи между Евангеліемъ съ одной стороны и между телефонами, автомобилями и аэропланами съ другой. Христіанство-религія вѣчнаго духа, наука же имѣетъ дѣло лишь съ внѣшними матеріальными формами. Но здѣсь мы должны припомнить, что въ общемъ своемъ міросозерцаніи всѣ величайшіе представители науки были добрыми христіанами, а это уже устанавливаетъ довольно опредѣленную связь между христіанствомъ и наукой. Мы не будемъ много останавливаться на именахъ тѣхъ виднѣйшихъ естествоиспытателей, христіанская настроенность которыхъ стала слишкомъ извѣстной, каковы, напр., Коперникъ, въ своихъ сочиненіяхъ просившій себѣ милости у Христа, Бэконъ Веруламскій, говорившій, что глубокое знаніе возвращаетъ къ Богу, Галилей, горячо вѣровавшій во Христа, Ньютонъ, обнажавшій голову при всякомъ произнесеніи имени Божія, Кеплеръ, утверждавшій, что „въ твореніи онъ ощущаетъ Бога какъ бы руками“, Пастеръ, писавшій въ своемъ дневникѣ, что послѣ 30 лѣтъ непрерывнаго изученія тайнъ природы, онъ сталъ религіозенъ, какъ простой нормандскій крестьянинъ“. Больше остановимся на тѣхъ ученыхъ, которыхъ по недоразумѣнію охотнѣе зачисляють въ лагерь враговъ христіанства, чѣмъ въ лагерь его

сторонниковъ и послѣдователей. Укажемъ на великаго астронома Гершеля, который говорилъ, что „чѣмъ больше расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе и непровержимѣе становятся доказательства за вѣчное существованіе творческой и всемогущей Мудрости, о которой говорятъ Библия и Евангеліе“; — укажемъ на основателя науки новой географіи Риттера, который былъ вѣрующимъ человѣкомъ, — на знаменитаго изслѣдователя электричества Фарадея, который не только систематически и съ любовью читалъ Библию, но и занимался изученіемъ толкованій на нее. По позднѣйшимъ даннымъ, касающимся біографіи Дарвина *), видно, что авторъ общеизвѣстной по своей смѣлости гипотезы часто обращался къ вѣрѣ во Христа во всѣхъ тѣхъ моментахъ чрезвычайныхъ нравственныхъ колебаній, какія онъ часто переживалъ. Романсъ, наиболѣе ревностный ученикъ и послѣдователь Дарвина, дѣйствительно, нѣкоторое время былъ врагомъ христіанства и единомышленникомъ Геккеля, но потомъ и онъ ученую свою мантію повергаетъ къ стопамъ Христовымъ: „только человѣку, — говоритъ онъ, — совершенно лишенному духовнаго ощущенія, христіанство можетъ не представляться, какъ самое величественное, едва ли на нашей землѣ вполнѣ постижимое изображеніе прекраснаго, возвышеннаго и всего того, что вліяетъ на нашу душевную природу“. Не можемъ не остановиться еще на словахъ ученаго, которому принадлежатъ величайшее открытіе о единствѣ силъ, — ученаго Роберта Майера. Этотъ крупнѣйшій представитель естествовѣдѣнія открыто и убѣжденно говорилъ въ торжественномъ собраніи естествоиспытателей въ Инсбруккѣ (Австрія): „отъ всего сердца я провозглашаю, что истинное знаніе имѣетъ право и можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только пропедевтикой къ христіанской религіи“, введеніемъ въ нее.

Вопросъ о томъ, насколько ученые естествоиспытатели были христіанами специально изслѣдоваль д-ръ Деннеръ. И

*) См. у Пфеннигсдорфа.

въ результатѣ его строгаго и безпристрастнаго изслѣдованія оказалось, что всѣ ученые перваго ранга были добрыми христіанами, и лишь ученые третьяго, пятаго, еще болѣе—десятаго и дальнѣйшихъ ранговъ воображаютъ себя слишкомъ разумными, чтобы открыто исповѣдывать Христа. Если же всѣ истинные ученые по общему своему міросозерцанію были христіанами, то естественно, что вѣра христіанская не могла не вліять благотворно на характеръ и широту ихъ ученыхъ работъ: вѣра христіанская поддерживала въ нихъ свѣтлый взглядъ на жизнь, сообщала несомнѣнный смыслъ ихъ дѣятельности, а любовь христіанская побуждала ихъ наиболѣе ревностно трудиться надъ ихъ изслѣдованіями и изобрѣтеніями, направленными ко благу человѣчества. Далекое не безъ вліянія христіанства опредѣлился тотъ конкретный историческій фактъ, что очагомъ культуры оказался *христіанскій* Западъ, въ то время какъ *языческій* Востокъ до сихъ поръ продолжаетъ коснѣть въ застоѣ.

(Продолженіе будетъ).



„Иисусъ Сладчайшій“.

(Продолженіе).

Была еще другая духовная цѣнность, которой украшался древній міръ. Это — искусство.

Наиболѣе вдохновенной жрицей искусства была Греція, возводившая красоту въ культъ, вѣрившая, что кисть, рѣзецъ и цѣвница призваны искупить міръ и — дѣйствительно давшая человечеству рядъ художниковъ, относительно которыхъ можно повторить слова великаго нашего поэта*), обращенныя къ греческому ваятелю Фидію:

Или Зевсъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ свой,
Фидій,

Или ты самъ въ небеса Зевса узрѣть возлетѣлъ.

Но съ появленіемъ христіанства, Греція, скажемъ словами Гоголя, — свои „влажныя отъ наслажденія“ „прекрасныя очи“ обратила „къ Востоку“, гдѣ „въ деревянныхъ ясляхъ

*) Пушкина.

возлегъ Божественный Младенець “*1). Въ образѣ Христа Иисуса открылась полнота Божества тѣлесно (Колос. II, 9). Жизнь Его была полна положеніями глубокими, сильными, разнообразными: то нѣжно-тихими, то скорбно-трагическими, то свѣтло-радостными, а такія положенія не могли не влечь къ себѣ чуткаго художческаго вниманія; ученіе же Христа Спасителя заключало въ себѣ именно ту универсальную идею уподобленія челоуѣка Богу, которую тщетно искало доселѣ искусство языческой древности. Чѣмъ шире распространялось христіанство, тѣмъ быстрѣе искусство становилось религіознымъ въ христіанскомъ смыслѣ, достигая, подъ вліяніемъ Евангелія, „той духовной сосредоточенности, нѣжности и глубины, которыхъ греческое искусство вовсе не знало, такъ какъ служило существенно отличной, веселой, свѣтской и чувственной религіи“.*2). Можно сказать что, съ появленіемъ христіанства, искусство поработилось ему. Зодчіе во славу Христову воздвигали всѣ эти величественныя и до сихъ поръ непревзойденныя въ строительномъ искусствѣ храмы Римскіе, Кельнскіе, Страсбургскіе, Брюссельскіе, Парижскіе, Византійскіе, древне-русскіе храмы Кіевскіе, Новгородскіе, Московскіе, Владимірскіе и далѣе... „до послѣднихъ земли“. Оригинальныя школы зодчества византійская и готическая всецѣло выросли на почвѣ христіанства.—Высочайшіе геніи музыки также въ честь Христа настраиваютъ свои лиры, при чемъ зенита своего христіанская музыка достигаетъ въ композиціяхъ Гайдна, Глюка, Баха, Бетховена, Моцарта. Не можемъ не вспомнить здѣсь и о цѣломъ рядѣ нашихъ русскихъ композиторовъ прежняго времени, которые, какъ, напр., Ведель, Бортнянскій, Турчаниновъ, Львовъ и др., *всѣ* свои богатыя дарованія *безраздѣльно* посвящали Христу, а также не можемъ не вспомнить и о такихъ виднѣйшихъ композиторахъ позднѣйшихъ, которые, какъ, напр., Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Гречани-

*1) Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

*2) Проф. Карлъ Верманъ. „Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ“.

новъ, Рахманиновъ, Касталскій и др., не разъ вдохновлялись высокими христіанскими настроеніями. — Въ области же живописи мы не можемъ назвать ни одного сколько нибудь крупнаго имени, которому не приписывалась бы цѣлая галерея выдающихся произведеній на темы евангельской исторіи. Кому, хотя бы въ репродукціяхъ, неизвѣстны эти дивныя картины Рафаэля („Преображеніе Господне“, „Несеніе креста“, „Положеніе во гробъ“), Леонардо-де-Винчи („Der Erlser“, „Тайная вечера“ и др.), Тиціана („Искушеніе Христа“, „Воскресеніе Христово“ и др.), Корреджіо (напр. „Вознесеніе Господне“), Рембрандта („Воскресеніе“ и „Вознесеніе“), Веласкеза („Исусъ въ домѣ Марѣи и Маріи“, Христосъ въ темницѣ“ и др.), Перуджино (напр., Несеніе креста“), Гвидо Рени („Ессе Ното“), Ганса Тома (напр., „Христосъ и Никодимъ“), Фра Ангелико („Преображеніе Господне“, „Не прикасайся мнѣ и др.), Мурильо (напр., „Святое семейство“, „Чудо насыщенія хлѣбомъ“ и др.), Дюрера („Христосъ на Крестѣ“)? Однимъ словомъ, и въ области живописи такъ же, какъ и въ области философіи, науки и другихъ видовъ духовнаго творчества, все великое неодолимо влеклось къ Сладчайшей Личности Исусовой.*) И по отношенію къ нашимъ русскимъ художникамъ кисти кто не чувствовалъ, что въ религиозныхъ картинахъ и Семирадскаго, и Ге, особенно Иванова, Бруни, еще болѣе Васнецова, Верещагина, Нестерова, въ значительной степени Полѣнова, заключена лучшая часть ихъ творческаго духа, что здѣсь, въ религиозномъ творествѣ, художники видѣли высшее свое назначеніе и получали здѣсь высшія художническія радости? — Не менѣе, чѣмъ на указанные виды искусства, замѣтно вліяніе христіанства и на поэзію. Совершенно излишне говорить, что всецѣло христіанству обязаны своей міровой славой такія созданія поэзіи, какъ

*) Указанія на это въ сконцентрированномъ видѣ см. въ только что вышедшей книгѣ — альбомѣ D-r Walter Rothes. „Christus... in der bildenden Kunst aller Jahrhunderte.“ Köln a. Rh. 1911.

*) См. напр. у А. Меркловскаго „Вѣчно спутника“. Изд. III 1910. Стр. 267—336.

поэмы Данта, Мильтона, Тасса и др., но христианским духом дышатъ произведенія и многихъ такихъ позднѣйшихъ и современныхъ писателей, которые, повидимому, иногда и хотѣли бы освободиться отъ вліянія христианства. При внимательномъ чтеніи, вполне опредѣленный отпечатокъ христианскаго ученія находимъ мы въ произведеніяхъ Гете, (напр., въ „Фаустъ“ и въ цѣломъ рядѣ стихотвореній) Шиллера (Напр., „Надежда“ „Стремленіе“, „Къ радости“ „Бой съ дракономъ“, Пѣснь о колоколѣ“ и др.) Шекспира (особенно „Макбэтъ“) даже В. Гюго „Молитва за всѣхъ“, „Смерть сластолюбца“, „За бѣдныхъ“, „Я былъ на берегу“ и др., Гейбеля, Фрейтага, Рила, Рейтера, отчасти въ произведеніяхъ Гауптмана („Ганнелъ“ и „Потонувшій Колоколъ“), Зудермана („Іоанна“), но особенно яркіе проблески христианскихъ идей мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Ибсена съ его Брандомъ, пламеннымъ проповѣдникомъ христианства, хотя и своеобразно нѣсколько понятаго, а также и другого выдающагося скандинавскаго драматурга Бьернсона. Неудивительно поэтому, что великій Гете говорилъ нѣкогда: „времена напряженія христианской вѣры всегда были наиболѣе продуктивными для поэзіи и, наоборотъ, упадокъ вѣры имѣлъ своимъ послѣдствіемъ паденіе и поэзіи“.—Что касается, въ частности, поэзіи русской, то христианскій характеръ ея особенно очевиденъ. Вся древняя наша поэзія была не только религіозной, но и церковной въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ стихахъ наши предки перелагали Псалтирь (Симеонъ Полоцкій, Антіохъ Кантемиръ и др.,) въ драмѣ инсценировались евангельскіе сюжеты (напр., „Комедія о блудномъ сынѣ“ Симеона Полоцкаго“) и т. дал. Высокіе христианскіе мотивы находимъ мы положительно у всѣхъ великихъ позднѣйшихъ русскихъ писателей: у Хераскова, вся поэзія котораго, можно сказать, сводится къ прославленію „великаго христианскаго Бога,“ у гениальнаго Ломоносова, который, въ духѣ псалмسة царя Давида, утро и вечеръ воспѣвалъ величіе Божіе, у Дер-

жавина съ его общеизвѣстной безсмертной одой („Богъ“), у Карамзина, христіанская настроенность котораго замѣтна всюду: во время своего путешествія по Зап. Европѣ онъ событія, напр., Французской революціи оцѣниваетъ съ христіанской точки зрѣнія, съ Кантомъ много и съ живымъ увлеченіемъ бесѣдуетъ о безсмертіи души и о ненасытимости человѣческихъ желаній, вѣру въ безсмертіе же души выражаетъ въ своихъ повѣстяхъ (напр., „Бѣдная Лиза“), факты прошлой русской жизни разсматриваетъ въ свѣтѣ христіанскаго, нравственнаго идеала; христіаниномъ былъ и Жуевскій и не только въ поэзіи, но и въ жизни, и въ педагогіи, какъ воспитатель Императора Александра II; яркія отраженія христіанскихъ понятій и чувствъ находимъ мы и у Батюшкова, лучшія стихотворенія котораго говосятъ о Богѣ и о безсмертіи („Надежда“, „Умиравшій Тассъ“ и др.), и у великаго Пушкина, который умилялся религіознымъ умиленіемъ предъ изображеніемъ „Божественнаго Спасителя“, преклонялся предъ религіознымъ творчествомъ „отцовъ пустынниковъ и женъ непорочныхъ“, „въ священномъ ужасѣ“ внималъ проповѣдническому слову митр. Филарета, уподобляя его „архѣ Серафима“, проводилъ нравственно—христіанскія идеи почти во всѣхъ своихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ (особенно въ „Евгеніи Онѣгинѣ“—образъ Татьяны—и въ „Борисѣ Годуновѣ“: „жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“). А одно время Пушкинъ выражалъ даже желаніе совсѣмъ отрѣшиться отъ грѣшнаго, суетнаго міра, уйти „въ сосѣдство Бога“, поселившись въ уединенной кельѣ въ монастырѣ въ Кавказскихъ горахъ („Монастырь на Казбекѣ“). Вообще же Пушкинъ благоговѣлъ предъ христіанствомъ. И Евангеліе онъ, не только гениальный поэтъ, но и умнѣйшій и образованнѣйшій человекъ своего времени, чью музу современная критика первѣе всего почитаетъ мудрой музой*), Евангеліе называетъ совершеннѣйшей и несравненной книгой (см., напр., его жур-

**) См., напр., у Д. Мережковскаго: „Вѣчные спутники“. Изд. III СПб. 1910

нальную статью о книгѣ Сильв. Пеллико: „Объ обязанностяхъ“), о необходимости проповѣди Евангелія между русскими инородцами—иновѣрующими пространно и горячо говорить, между прочимъ, въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“ и прекрасный образъ будущаго христіанскаго миссіонера даетъ въ неоконченной, къ сожалѣнію, поэмѣ „Галубъ“ (образъ Тазита). Не будемъ говорить о Гоголѣ, который поэтическую свою дѣятельность закончилъ христіанскою проповѣдью, но чистые и мощные христіанскіе аккорды слышимъ мы въ лучшихъ стихахъ и байроническаго Лермонтова, въ такихъ крупныхъ произведеніяхъ Тургенева, какъ „Дворянское гнѣздо“ и въ такихъ мелкихъ, какъ „Христосъ“, „Живыя мощи“, „Касьянъ съ Красивою мечи“ и др., во всѣхъ почти крупныхъ произведеніяхъ Достоевскаго, а также въ поэзіи гр. А. Толстого, Полонскаго, Фета, особенно Тютчева, не менѣе—въ поэзіи Майкова съ его драмой „Два міра“, гдѣ міръ христіанскихъ идей вытѣсняеть собою міръ идей языческихъ. Христіанскіе мотивы находимъ мы даже у Некрасова, напр., въ его дивномъ сихотвореніи „Тишина“, гдѣ поэтъ рассказываетъ, какъ онъ, по возвращеніи изъ—за границы, входя въ русскій православный храмъ,

... дѣтски умиллся ...

И долго ... рыдалъ и бился

О плиты старыя челомъ,

Чтобы простилъ, чтобъ заступился,

Чтобъ осѣнилъ (его) крестомъ

Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ. . .

Правда, у нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами писателей есть и такія произведенія, которыя написаны въ свободномъ по отношенію къ христіанству духѣ, но такія произведенія относятся, по большей части, къ порѣ молодости поэтовъ, когда муза ихъ была еще незрѣла и легкомысленна. Въ болѣе же зрѣломъ періодѣ своего творчества, большинство названныхъ нами поэтовъ успокоеніе своихъ мятежныхъ

думъ и бурныхъ порывовъ находили именно въ христіанствѣ. Особенно яркіе примѣры такого рода перелома въ настроеніи и дѣятельности поэтовъ мы находимъ въ лицѣ Карамзина, Пушкина, Фета, Майкова и др. — Очень многіе склонны обвинять въ антихристіанскомъ направленіи русскую литературу, такъ сказать, послѣднихъ дней. И для обвиненія этого есть, къ сожалѣнію, рядъ безспорныхъ оснований. Однако, по отношенію къ крупнѣйшимъ представителямъ литературы послѣдняго времени это обвиненіе должно быть до нѣкоторой степени смягчено, въ виду того, напр., что Чеховъ, при всемъ своемъ видимомъ индифферентизмѣ къ христіанской религіи, лучшими и любимыми своими разсказами считалъ разсказы: „Святой ночью“ и особенно „Студентъ“, гдѣ въ положительныхъ и даже восторженныхъ тонахъ разработаны темы съ религиозно-христіанскимъ оттѣнкомъ; указанное нами обвиненіе, предъявляемое къ русской литературѣ текущаго момента, должно быть смягчено и въ виду того, что и самъ „властитель думъ“ ж современной молодежи, Л. Андреевъ, наиболѣе значительныя свои произведенія („Жизнь Василя Оивейскаго“, „Савва“, „Къ звѣздамъ“, „Елеазаръ“, „Иуда Искаріотскій“, „Жизнь Человѣка“ и др.) посвящаетъ уясненію и рѣшенію вопросовъ религіи и — при этомъ — чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше склоняется къ положительному христіанскому рѣшенію этихъ вопросовъ. Какъ ни странно, но этотъ уклонъ къ христіанскому рѣшенію религиозныхъ проблемъ мы, при тщательномъ изученіи предмета, въ наиболѣе ясныхъ опредѣленіяхъ находимъ въ послѣдней, такъ нашумѣвшей, пьесѣ Л. Андреева „Анатѣма“, ибо здѣсь, въ концѣ концовъ, торжествуетъ именно идея христіанской любви, носителемъ которой въ пьесѣ является Давидъ Лейзеръ, получившій, послѣ временныхъ оскорбленій на землѣ, вѣчное блаженство въ небесахъ, что въ заключеніи пьесы возвѣщается Анатѣмъ, какъ непререкаемая истина. — И никогда, безусловно, искусство во всѣхъ своихъ видахъ не найдетъ для себя болѣе цѣннаго содер-

жанія, чѣмъ то, какое заключается въ ученіи, жизни, смерти и прославленіи Сладчайшаго Иисуса, такъ какъ въ этомъ содер-
жаніи христіанской религіи открыто для земли самое Небо. „Мы съ удивленіемъ останавливаемся, — говоритъ одинъ христіанскій апологетъ (Лютардтъ), — предъ пластическимъ изображеніемъ Лаокоона, въ которомъ человѣческая сила напрасно борется съ силою судьбы, и нашу душу невольно трогаетъ судьба Нюбы, но какая глубина душевной жизни раскрывается предъ нами въ образѣ Распятаго: какая здѣсь сочетается противоположность — побѣдоносная высота въ глубочайшемъ уничиженіи“. Въ эту глубину душевной жизни особенно зорко, — какъ это можно было видѣть и выше, — вглядывается искусство русское, никогда въ своемъ цѣломъ не отрывавшееся отъ корней христіанства. И убѣжденно мы можемъ сказать, что многое еще великое и славное предстоитъ создать русскому искусству, если оно и впредь будетъ питаться и одухотворяться христіанствомъ. „Когда мы видимъ Гоголя и Достоевскаго, готовыхъ принести всѣ свои литературныя сокровища въ жертву тому, что они считаютъ истинною; когда такіе богатыри, какъ Ивановъ и Васнецовъ, являютъ собою умилительное зрѣлище рѣдкой духовной мощи, направленной (единственно къ уразумѣнію великихъ истинъ и идеаловъ святости и высшей красоты, мы чувствуемъ, что русскій художникъ есть прежде всего слу-
житель идеи правды, и поэтому мы вправѣ надѣяться, что настанетъ время, когда его усилія увѣнчаются успѣхомъ, когда онъ представитъ намъ въ своихъ твореніяхъ свѣтлый образъ правды, являвшійся уже не разъ на Руси въ примѣрахъ ея подвижниковъ и ярко отражавшійся въ тѣхъ художественныхъ типахъ, которые выражаютъ заветныя думы русскаго народа и его нравственныя убѣжденія“*).

И еще была цѣнность, которой былъ славенъ древній міръ — это правовой государственный и общественный строй, ко-

*1) И. Валашевъ, „Мысли объ искусствѣ“. Изд. А. С. Суворина. 1900. Стр. 101—102.

торый обеспечивалъ порядокъ во внутренней жизни древнихъ государствъ, обеспечивалъ ихъ внѣшнее могущество и Риму, напр., стяжалъ едва не міровое господство. Римъ гордился правомъ, которое было плодомъ вѣковыхъ его усилій и, „потрясая блестящимъ лѣсомъ копій“, *1) мечталъ о томъ, что силою права и военнаго могущества онъ подлинно подчинитъ себѣ весь міръ, создавъ единое и во вѣки нерушимое царство. Но явился Христосъ, и Римъ остановился въ своемъ стремленіи къ „захвату міра“ и „вперилъ орлиныя очи свои на Востокъ“ *)². Христіанство противопоставило праву болѣе высокую цѣнность—любовь, и право въ общей системѣ жизни должно было занять ниже, чѣмъ второстепенное, мѣсто. Право вынуждаетъ человѣка лишь на минимумъ добра, между тѣмъ какъ любовь располагаетъ человѣка свободно вносить въ жизнь максимумъ добра. Пользуясь правомъ, человѣкъ всегда въ той или другой степени отстаиваетъ свои интересы, въ любви же человѣкъ отъ своихъ интересовъ отказывается. Источникъ права—эгоизмъ. Источникъ любви—забвеніе о своемъ я. Римлянинъ, обоготворяя право и богомъ почитая государство, стремился къ пріобрѣтенію и господству ради господства и пріобрѣтенія. Христіанинъ же отрекается отъ своего я ради общаго духовнаго блага. Христіанская любовь поднялась выше языческаго права и выразилась въ формахъ, поразившихъ древній міръ и подчинившихъ его себѣ. Христіане первыхъ вѣковъ менѣе всего прибѣгали къ отстаиванію своихъ интересовъ правовымъ порядкомъ, но они добровольно отказывались отъ всякихъ своихъ интересовъ. Они всецѣло отдавали себя на служеніе Христу и ближнимъ: ради ближнихъ отказывались отъ имущества, положенія, почета, въ жертву Христу приносили всѣ свои помыслы, свои желанія, всѣ дарованія, молодость, красоту и столь часто, напр., во времена гоненій—самую жизнь. Сотнями, тысячами шли они на костры, на кресты, на арену цирковъ. Благочестивая баллада не безъ исто-

*) Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

*) Н. В. Гоголь. „Жизнь“.

рических оснований представляеть, что и недавно еще изъ песку, что подь развалинами Колизея, выдавливалась кровь христіанскихъ мучениковъ („Кровь мучениковъ Колизея“ стихотв. изложеніе К. Рунова). Самоотверженіе христіанское своею дивною духовною красотою зачаровало язычество, и хотя право не потеряло своего смысла для христіанскаго общества, но оно уже перестало быть „богомъ“, утратило свои прежнія суровыя черты, постепенно подчинилось вліянію христіанства, все болѣе и болѣе смягчаясь и облагораживаясь. Юристы позднѣйшаго времени, напр., Бирлингъ, Тонъ, Регельсбергеръ, изъ русскихъ — Коркуновъ, — не хотятъ уже видѣть въ самомъ понятіи права признаковъ *примужденія*, признавая изначальнымъ его принципомъ *свободное* подчиненіе челоуѣка известнымъ правовымъ нормамъ. Насколько обильно пропитано современное наше право духомъ христіанства, всякій можетъ видѣть хотя бы изъ этого, всѣмъ известнаго, уголовного судебного процесса. Милость, которая, по мысли нашего законодателя, должна царствовать въ судахъ, сквозить здѣсь всюду. Процессъ уголовного судопроизводства дѣлаеть все, чтобы дать возможность оправдаться невинному и смягчить участь виновнаго. Припомнимъ: подсудимому представляется право ставить свидѣтелямъ вопросы, давать по поводу ихъ показаній свои объясненія; интересы подсудимаго отстаиваетъ специальный защитникъ, если не имѣе выставлемый, то назначаемый *самимъ же* судомъ. Рѣчь защитника ставится *послѣ* рѣчи представителя обвинительной власти, *а это всегда въ благопріятномъ* для подсудимаго смыслѣ можетъ вліять на присяжныхъ засѣдателей, ибо послѣднее впечатлѣніе, по законамъ психологіи, наиболѣе сильно и дѣйствительно. Кромѣ того, подсудимый имѣеть возможность защищаться *самъ*, въ виду чего ему предоставляется послѣднее слово. Судъ присяжныхъ по своему характеру своему — судъ милостивый, любвеобильный. Въ случаѣ неполной выясненности преступности подсудимаго, въ случаѣ хотя бы и неглубокаго сомнѣнія въ его виновности, они

самымъ закономъ побуждаются къ тому, чтобы вынести под-судимому оправдательный вердиктъ. Этотъ вердиктъ выносится и въ томъ случаѣ, если голоса судей въ равной мѣрѣ распределяются за осужденіе и за оправданіе. Во всѣхъ этихъ моментахъ уголовного процесса развѣ не видно живого дыханія Евангелія, дыханія Христовой заповѣди: „не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете“ (Лук. VI, 37)? И, безусловно, огромное число получило бы, если бы можно было статистически опредѣлить, какъ многіе изъ преступниковъ были освобождены нашими судами отъ наказанія *по жалости, по состраданію, по милости* къ нимъ, „несчастнымъ“. А кто будучи въ судѣ, не чувствовалъ, что онъ присутствуетъ именно въ *христіанскомъ судѣ*, когда послѣ долгой процедуры разбирательства дѣла, послѣ судебного слѣдствія, рѣчей прокурора и защитника, послѣ совѣщанія присяжныхъ, предсѣдатель суда предлагаетъ тяжущимся окончить дѣло примиреніемъ, на что, по большей части, тяжущіеся отвѣчаютъ скрытой въ нихъ доселѣ готовностью. И вотъ, излишними становятся свидѣтели, теряютъ смыслъ рѣчи прокурора и адвоката, постановление присяжныхъ получаетъ лишь второстепенное значеніе: со слезами радости обиженный подаетъ руку обидчику, слышны всхлипыванія въ рядахъ публики, свѣтлая улыбка играетъ на лицахъ судей и самого прокурора, и вы видите, что вспыхнула христіанская любовь и изъ зала суда постыженной ушла богиня правосудія....

Вообще же, право въ христіанскомъ мірѣ развивалось въ томъ смыслѣ, что все за большимъ и большимъ количествомъ лицъ признавало пѣнность человѣческой личности, все настойчивѣе и настойчивѣе утверждало ея высокое достоинство. Въ языческомъ мірѣ личность была орудіемъ для общества, средствомъ для государственныхъ цѣлей. Христіанство же, хотя и приняло въ себя древній общественный и государственный строй, но сообщило ему совершенно новое, высшее значеніе—

значеніе орудія для блага личности или группы личностей, объединенных общностью вѣры, духовных настроеній, общностью идейной жизни. И все внѣшнее могущество въ христіанскомъ мірѣ имѣетъ значеніе не само по себѣ, а лишь постольку, поскольку оно ограждаетъ духовныя святыни народа отъ вражескихъ покушеній. Въ зависимости отъ этого, и война въ христіанствѣ—не геройскій путь къ приобрѣтенію и славы, а неизбежное зло при защитѣ вѣры и преданныхъ вѣрѣ братьевъ—сыновъ родного народа. Естественно поэтому, что въ христіанскомъ мірѣ, съ самаго его начала, идетъ упорная работа, направленная къ устраненію всѣхъ лишнихъ поводовъ къ вооруженному столкновенію между народами и къ возможному смягченію ужасовъ самой войны.

Какъ по указаннымъ, такъ и по всѣмъ другимъ сторонамъ жизни, христіанство вносило въ языческій міръ переоцѣнку цѣнностей. Столь велико и неодолимо было вліяніе на міръ Сладчайшаго Иисуса. И не только къ Личности Иисуса влеклось вниманіе міра, но и ко всему внѣшнему, чисто, такъ сказать, предметному, что было связано съ Его Личностью. Земля, гдѣ Онъ жилъ, стала „Святой Землей“, мѣсто мученій, гдѣ Онъ пролилъ спасительную кровь Свою, стало достопоклоняемымъ мѣстомъ, крестъ—нѣкогда орудіе позорной казни—сталъ „вѣрныхъ утвержденіемъ, Церкви огражденіемъ,.... царей державой, оружіемъ непобѣдимымъ“ (Изъ службы въ нед. крестопокл.) И теперь не мирится христіанское сознаніе съ тѣмъ фактомъ, что мѣсто жизни, страданій и воскресенія Христа Спасителя находится въ рукахъ невѣрныхъ, но припомните, что ранѣе на освобожденіе Гроба Господня поднимались цѣлыя крестоносныя ополченія, въ которыхъ десятки тысячъ молодыхъ жизней съ радостію и всецѣло отдавали себя во славу Господа Иисуса. Любовь къ Иисусу Сладчайшему до того проникала нѣкогда міръ, что, на ряду со взрослыми, тысячи дѣтей шли.... освобождать Господень Гробъ.... *Н. Колосовъ.*

(Окончаніе будетъ).

Виллибирскій Вспархьяльный Вздожности.

1 сѣнтября

№ 17.

1911 года.

отдѣлъ неофициальный.

„Исусъ Сладчайшій“.

(Окончаніе).

Не излишне ли говорить о тѣхъ благодѣтельныхъ результатахъ, какими сопровождалось въ исторіи это всеобщее обаяніе Личностью Исуса Сладчайшаго, Его ученіемъ и дѣломъ? Скажемъ лишь, что всѣмъ лучшимъ, чѣмъ владѣеть современный міръ, онъ обязанъ именно христіанству. Лучшія идеи, высшіе порывы, благороднѣйшія стремленія, гуманнѣйшія понятія—все это заимствовано изъ содержанія христіанства. Нѣмецкій профессоръ Августъ Вейсманъ писалъ недавно: „если бы какой нибудь житель другой планеты могъ посѣтить землю и если бы онъ попалъ въ одинъ изъ центровъ нашей современной цивилизаціи, то одна черта нашей жизни болѣе всякой другой возбудила бы его интересъ и любопытство. Если бы интеллигентный и просвѣщенный чело-вѣкъ повелъ его въ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Нью-Йоркъ или въ какой нибудь другой крупный центръ населенія, то мы можемъ представить себѣ, каково было бы затруднительное положеніе проводника, если бы пришлось объяснять посѣтителю характеръ и смыслъ зрѣлища, являемаго нашимъ обществомъ. Показавъ ему внѣшнюю сторону: улицы, толпы народа, сооружеія, средства передвиженія и сообщенія, нашъ ученый проводникъ сталъ бы, вѣроятно, объяснять характеръ

могущественной соціальной організації, скриваючоїся подь всѣмъ этимъ внѣшнимъ блескомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, сталъ бы говорить о нашей торговлѣ, о нашемъ производствѣ, о нашихъ системахъ управленія, о занимающихъ наши умы общественныхъ политическихъ задачахъ, а также о нашей исторіи, о прошлыхъ и настоящихъ отношеніяхъ между со- сѣдними націями и даже далекими другъ отъ друга частями чело- вѣческаго рода. Но поживъ среди насъ нѣкоторое время, нашъ посѣтитель, вѣроятно, пришелъ бы къ тому заклю- ченію, что есть что то такое, чего ему не разъясняютъ. Онъ замѣтилъ бы, что во всѣхъ нашихъ большихъ городахъ — церкви и соборы, вездѣ, гдѣ живутъ люди. Онъ увидѣлъ бы толпы народа, которыя періодически наполняютъ эти зданія, и, безъ сомнѣнія, заинтересовался бы ученіемъ, которое тамъ проповѣдуется. Съ теченіемъ времени, онъ узналъ бы, что эти учрежденія не составляютъ отличительной черты того или другого мѣста, что они встрѣчаются въ другихъ городахъ и другихъ странахъ и что они существуютъ почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Оглядѣвшись внимательно вокругъ се- бя, онъ убѣдится, что, хотя система нашей цивилизації за- нимаетъ весьма опредѣленное мѣсто среди народовъ всего міра, но она не имѣетъ опредѣленныхъ расовыхъ или на- ціональныхъ границъ. Это не тевтонская, не кельтическая, не латинская цивилизації. Она также не можетъ быть на- звана ни германской цивилизаціей, ни французской, ни англо- саксонской, ни славянской. Насколько мы имѣемъ право соединить ее съ какимъ нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ, мы можемъ ей дать названіе европейской, хотя это опредѣленіе будетъ только географическимъ, одностороннимъ и неправи- лнымъ. Самымъ подходящимъ названіемъ системы, къ которой мы принадлежимъ, можно считать только выраженіе: *хри- стианская цивилизація*“.*)

*) См. въ книгѣ Веніамина Кидда: „Соціальное развитіе“.

Такъ христіанство растворилось въ самомъ воздухѣ нашемъ, оно стало нашей стихіей, мы имъ живемъ и движемся дальше по пути прогресса, и если нѣкоторые этого не замѣчаютъ, то развѣ потому лишь, почему мы не всегда замѣчаемъ воздухъ физическій, безъ котораго, однако, прекратилась бы всякая органическая жизнь.

Но только совершенно лишенный духовнаго зрѣнія могъ бы не видѣть, какое огромное и благотворное значеніе имѣло христіанство для роста русской духовной культуры. Послѣ принятія русскими христіанства, сравнительно быстро сталъ крѣпнуть на Руси духъ христіанскаго благочестія и святости: воздвигались храмы, при чемъ иногда наши предки какъ бы страшились опечалить Господа своей лѣнностью въ этомъ отношеніи и воздвигали храмы съ изумительной поспѣшностью: въ одинъ день;—строились монастыри, появлялись отшельники и пустынники; въ самомъ началѣ христіанства на Руси земля наша обогрилась кровью мучениковъ за имя Христова, среди которыхъ были славные Аскольдъ и Диръ; успѣшно развивалась въ древней Руси церковная проповѣдь, процвѣтала церковная письменность вообще. Въ христіанскомъ духѣ мыслили и писали не только духовныя лица, но и лица свѣтскія: князья, бояре, цари, какъ, напр.: Владиміръ Мономахъ, кн. Курбскій и др. Въ христіански-аскетическомъ духѣ постройка жизнь не только въ скитахъ и монастыряхъ, но и въ домахъ мірскихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., „Домострой“ Сильвестра, „Завѣщаніе отеческое“ Посошкова и др. Христіанскія вѣнія проникли и въ русское законодательство, какъ это съ очевидностью открывается изъ „Русской Правды“ Ярослава Мудраго. Скоро послѣ появленія христіанства на Руси, Христось, можно сказать, воцарился въ русской жизни, облекся здѣсь въ лѣпоту златоглавыхъ храмовъ, доброшумныхъ звоновъ, ангелоподобныхъ пѣній и самоотверженныхъ подвиговъ святыхъ русской Церкви. Это почувялъ самъ русскій народъ и сказалъ,

что два Рима пали, но их мѣсто занялъ третій Римъ и послѣдній—Москва. Русь, дѣйствительно, пошла навстрѣчу Христу съ той готовностью, съ той любовью, какая передана на извѣстной картинѣ Нестерова—„Святая Русь“. И не только къ самому Христу, Царю и Богу своему, простерла руки Святая Русь, но всѣмъ сердцемъ, всѣмъ желаніемъ устремилась она и ко всему, что связано съ Личностью и жизнью Сладчайшаго Иисуса. Иерусалимъ и его святыни всегда были священнѣйшимъ мѣстомъ въ глазахъ древне-русскаго человѣка. Иерусалимъ былъ воспѣтъ въ народной поэзіи, онъ былъ предметомъ благочестивыхъ легендъ, народная географія помѣстила его въ центрѣ міра. Побывать въ Иерусалимѣ, „омыться отъ грѣховъ“ „во Иорданъ—рѣкѣ“, „Господень гробъ сподобиться узрѣтъ“—вотъ предѣлы желаній древне-русскаго человѣка, по осуществленіи которыхъ—представлялось ему—онъ „спокойно можетъ умереть“. „Паломникъ Данила Мниха“—Хожденіе въ Святую Землю—открываетъ собою цѣлый рядъ другихъ сочиненій этого рода, ибо обычай паломничества въ Иерусалимъ былъ чрезвычайно распространенъ въ древней Руси, особенно въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ.

Въ силу многообразныхъ историческихъ условій, русскій народъ довольно долгое время былъ лишенъ образованія въ принятомъ смыслѣ этого слова, образованія общаго. Единственной школой, подъ кровомъ которой шло воспитаніе и образованіе народа, была именно Христова вѣра, Христова Церковь. И поразительны были результаты такого воспитанія и образованія. За короткое сравнительно время, русскій народъ, по натурѣ склонный ко враждѣ, мстительности, къ междоусобіямъ и безудержный въ своихъ дѣяніяхъ, этотъ народъ преобразовался въ народъ мирный, кроткій, незлобивый, любвеобильный, разумный и работающій. Когда, со времени Петра Великаго, у насъ появилась независимая литература, то она, можно сказать, заплѣла восторженный панегирикъ нашему народу, который звучалъ въ ней до самаго послѣдняго

времени. Литература находила народъ настолько хорошимъ, что протестовала противъ всѣхъ стѣсненій въ его положеніи, ратовала, между прочимъ, за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права, каковое освобожденіе и было совершенно христіаннѣйшимъ, а потому и гуманнѣйшимъ Императоромъ, въ надеждѣ, что русскій народъ уже достаточно усовершенся духовно и вполне достойно воспользуется благомъ свободы. Цѣлой общественной группой, славянофилами, русскій народъ объявлялся славнымъ богатыремъ, который не только для себя добудетъ счастья, но и всѣмъ другимъ народамъ укажетъ путь къ нему. И, дѣйствительно, иногда духовная мощь русскаго народа вспыхивала съ изумительной силой, и казалось, что начинается уже его миссія богоизбранничества. Стоитъ припомнить, что, всего 100 лѣтъ назадъ, русскій народъ именно силою своего одушевленія, вызваннаго оскорбленіемъ его вѣры, поруганіемъ его святынь, далъ богатырскій отпоръ натиску многоплеменнаго врага, „въ бездну повалилъ тяготѣвшій надъ царствами кумирь“ и своей кровью „искупилъ Европы вольность, честь и миръ“ и, мимо пышныхъ памятниковъ гордой Западной культуры, побѣдоносно прошелъ къ самому Парижу. И раньше этого, и позже не столько физической силой или техническимъ искусствомъ побѣждала Русь царствія, заграждала уста львовъ, угашала силу огненную, укрѣплялась въ немощи, обращала въ бѣгство полки чужихъ (Евр. XI, 33—34), сколько самоотверженной вѣрою своей въ Бога Христа Спасителя и любовью къ Нему. Подъ знаменами Его, подъ знаменами Пречистой Его Матери и Его святыхъ совершала она всѣ великія свои дѣянія. Ему, дивному во святыхъ Своихъ, возносила она моленія, выступая на свои подвиги, и Ему, Христу Спасителю, воздвигала храмы—памятники, по счастливомъ завершеніи дѣяній.

Такъ было раньше... Но не то—увы!—теперь. Въ самое послѣднее время, когда надъ нашей землей пронесся разрушительный ураганъ всякаго рода непробѣренныхъ уче-

ній, бранныхъ словъ и буйныхъ дѣлъ, словно переломъ какой произошелъ въ народной психологіи. Если раньше въ народной средѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчались прекрасные характеры, самоотверженные души, то теперь и въ литературѣ, и въ повременной печати, и въ статистикѣ, и въ судебной хроникѣ, и въ разсказахъ непосредственныхъ наблюдателей народной жизни слышатся безконечныя жалобы на то, что народъ нашъ портится, опускается, пьянствуетъ, мало трудится, становится завистливымъ и хищнымъ, перестаетъ страшиться путей преступленія, путей грабежа, поджоговъ, убійства... По очень многимъ изображеніямъ современная деревенская жизнь представляется какъ чудовищный кошмаръ, какъ отвратительная язва... *)

Въ чемъ же причина такой рѣзкой разницы между недавнимъ прошлымъ, когда грѣхъ народный былъ частичнымъ паденіемъ, отъ чего никто и никогда не можетъ быть застрахованъ, и настоящимъ, когда народный грѣхъ грозитъ стать системой и утвердиться на устойчивой почвѣ принципиальнаго его признанія?

Что бы мы ни говорили противъ Толстого, какъ философа и моралиста, однако, мы не можемъ ему отказать въ тонкой наблюдательности, особенно по отношенію къ русскому народу, который онъ когда то такъ любилъ, олицетворивъ его въ прекрасномъ образѣ любвеобильнаго Платона Каратаева („Война и миръ“). И вотъ, Толстой, когда его спросили о причинѣ нравственнаго развала нашей деревни, просто и коротко отвѣтилъ:

— Бога забыли!

— Да, забыли Бога, Сладчайшаго Спаса Исуса.

Это же объясненіе народной порочности даютъ и всѣ серьезные наблюдатели современной русской деревни.

*) См., напр., любопытную въ этомъ отношеніи статью священ. Н. Лебедева: „Религиозно-нравственная жизнь деревни за послѣднее пятилѣтіе“. („Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія“. 1911 г., январь). Ср. книгу г. Родіонова: „Наше преступленіе“. Ср. разсужденія проф. Моск. универ. Булгакова въ его книгѣ „Два града“. М. 1911 г., стр. 49—50.

Когда то раньше, славный поэт—мыслитель, Оед. Ив. Тютчевъ, представляя мысленно нашу скромную наружно, но неизмѣримую духовно Русь, говорилъ:

Эти бѣдныя селеня,

Эта скудная природа—

Край родной долготерпѣнья,

Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ

Гордый взоръ иноплеменный,

Что сквозить и тайно свѣтитъ

Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный нашей крестной,

Всю тебя, земля родная,

Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный

Исходиль, благословляя...

Но теперь поэтъ, созерцая нашу дѣйствительность, долженъ былъ бы говорить другими образами. Теперь онъ долженъ былъ бы сказать, что Христосъ не ходитъ уже среди русскихъ селеній, что Онъ не благословляетъ уже съ дѣтской довѣрчивостью склоненныхъ предъ Нимъ головъ. Нѣтъ, изнемогшій подъ усилившейся тяжестью крестной ноши, скорбный и плачущій, уходитъ Христосъ Спаситель изъ русской земли, и уходитъ не замѣчаемый и... не удерживаемый.. Въ былую пору Христосъ обильно насаждалъ на русской землѣ розы добродѣтелей, розы простоты, незлобивости, прощенія, взаимной уступчивости, трудолюбія, высокихъ и святыхъ порывовъ, молитвенныхъ восторговъ и т. под. Насаждая розы, Христосъ—припомнимъ поэтическую легенду—лелѣялъ ихъ, добы сплестъ изъ нихъ для Себя пышный и красивый вѣнокъ. Но вотъ налетѣлъ на нашу землю опустошительный ураганъ, и поломаны розы... смяты цвѣты, и лишь новые шипы вплетаются въ терновый вѣнецъ Спасителя, и еще мучительнѣе становится душевная туга Божественнаго Человѣколюбца.

Если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ болѣе или менѣе субъективныя и излишне пессимистическія сужденія о нравственномъ состояніи русскаго народа въ данный моментъ, то у насъ едва ли будутъ данныя для утвержденія, что русскій народъ переживаетъ моральный кризисъ, который можетъ окончиться для него *трагически*. Русскій народъ—народъ далеко не изжившій себя, народъ почти еще юный, отъ самой природы надѣленный чуткимъ и яснымъ нравственнымъ сознаниемъ. Превосходное церковное воспитаніе, полученное имъ въ свое время, лишь укрѣпило и усилило это сознание, хотя оно и не могло предупредить возможность временныхъ уклоненій отъ нравственныхъ нормъ, ибо оно не отнимало у народа его нравственной свободы. Поэтому для насъ больше оснований не за то, чтобы предсказывать скорую гибель народа, а за то, чтобы вѣровать въ его близкое и славное *возрожденіе*. Однако, принимая во вниманіе изъ общей массы сужденій о современномъ состояніи русскаго народа все, что запечатлѣно характеромъ наибольшей объективности и умѣренности, мы должны признать, что душа народная переживаетъ, дѣйствительно, трудное время, что она тяжело больна и нуждается въ особыхъ о себѣ заботахъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ, для кого Евангеліе является книгой Божественной, а судьбы родины близкими и дорогими, на всѣхъ этихъ лицахъ и учрежденіяхъ лежитъ непремѣнный долгъ—всѣ усиленно направлять къ тому, чтобы напомнить потерявшемуся въ смутѣ народу о томъ, Кто одинъ только для всего міра, какъ и для русской земли, всегда доселѣ былъ и во вѣки вѣковъ будетъ Истиной, Путемъ и Жизнью, напомнить о Богѣ Спасителѣ, Сладчайшемъ Господѣ Иисусѣ, Который, говоря словами церковнаго моленія Ему (акаѳистъ), Одинъ только есть „Мудрость недомыслимая“, „Источникъ разума“ и „Истинное ума Просвѣщеніе“, Который Одинъ только является „Красотой пресвѣтлой“, „Украшителемъ всея твари“, „души Утѣшителемъ“ и „сердца Веселиемъ“, Который, будучи Источ-

никомъ „Крѣпости высочайшей“, является „Господствомъ
неисчетнымъ“, „Царствомъ непобѣдимымъ“ и „Владычествомъ
безконечнымъ“....

Дай же намъ Себя Всесладкаго.

Вспомнись намъ, Забвенный нами!

Просіяй сквозь сумракъ думъ!

И созиждутся Тобою

Сердце чисто, правый умъ.

Н. Колосовъ.

